

МИЧУРИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В БИОЛОГИИ И СОВЕТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

I

Историческая по своему значению для советской науки сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина с докладом академика Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке», одобренным ЦК ВКП(б), поставила перед советскими учеными задачу коренного пересмотра их работы в духе мичуринского направления в биологии. В своем постановлении сессия отметила, что в биологии определились два направления: одно — передовое, мичуринское, основанное на методе диалектического материализма, и другое — реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделевско-моргановское).

Мичуринское направление основывается на том положении, что новые свойства организмов, приобретаемые ими под влиянием условий жизни, могут передаваться по наследству. Мичуринское учение рассматривает явления жизни растения или животного в самом тесном взаимодействии с окружающей средой, являясь в биологии творческим развитием дарвиновского учения, новым, высшим этапом материалистической биологии. Мичуринское направление, развившееся в самой тесной связи и на основе социалистического сельского хозяйства, стало мощным средством к преобразованию живой природы для получения избытков продуктов в нашей стране в целях быстрого построения коммунистического общества.

Менделевско-моргановское направление в биологии отстаивало идеалистическое учение Вейсмана о независимости наследственной природы организма от внешней среды, утверждало невозможность передачи по наследству новых свойств растений и животных и тем самым отрицало возможность их направленного изменения. Это направление мистично и реакционно в своем существе, ибо оно основано на признании особого бессмертного «вещества наследственности», непрерывно существующего, не знающего развития, что означает в конечном счете признание божественного начала в развитии мира. Оторванные от развития социалистического сельского хозяйства, работы менделистов-морганистов оказались практически бесплодными.

Значение мичуринского направления в биологии, основные положения которого были четко сформулированы в докладе Т. Д. Лысенко, исключительно велико не только для агробологии, но и для других областей советской науки, так как «борьба мичуринцев с вейсманистами является формой классовой идеологической борьбы социализма с капитализмом на международной арене и пережитками буржуазной идеологии у части ученых внутри нашей страны»¹.

Советская наука служит народу, и ученые нашей страны не могут занимать объективистских позиций. Именно поэтому советские

¹ «За процветание нашей передовой науки» (передовая статья), «Правда» от 27 августа 1948 г., № 240 (разрядка наша.—Ред.).

ученые, принявшие участие в расширенном заседании Президиума Академии Наук СССР 27 августа, в своем обращении к И. В. Сталину обещали «занять ведущее положение в борьбе против идеалистических реакционных учений, расчистить все пути для беспрепятственного развития передовой советской науки во имя великих целей нашего народа, во имя победы коммунизма»².

Помимо биологов и работников сельскохозяйственной науки, в работе по теоретическому обобщению достижений мичуринского направления в биологии и в критике реакционного вейсманизма должны принять участие и работники философского фронта, а также антропологи, занимающиеся изучением истории природы человека.

II

Центральной проблемой антропологии, где идеологическая борьба с враждебными реакционными теориями выступает во всей своей остроте, является проблема антропогенеза. В этой области, которая издавна являлась и поныне продолжает оставаться основным плацдармом борьбы между материализмом и идеализмом в антропологии, идеалистические концепции автогенеза выступают особенно агрессивно. Таковы автогенетические теории Осборна, Вейденрейха и ряда других буржуазных ученых, господствующие в зарубежной антропологической литературе. В основе этих «теорий», пропагандирующих имманентное развитие органического мира, лежит более или менее откровенное признание акта творения, признание религиозной догмы о «высшем творце всего существующего». Отступая перед натиском фактов и экспериментов с различных участков биологической науки, идеалистические теории автогенеза ищут убежища в сложных проблемах антропогенеза³.

Стремление обосновать эти «теории» лежит в основе не только общих теоретических построений реакционных зарубежных антропологов, но и частных работ, посвященных тем или иным палеонтологическим находкам, вопросам сравнительной анатомии приматов и т. д. Отказ от симиальной теории, отрицание родства человека и обезьяны (тарзиальная теория Вуд Джонса, фантастические построения Вестенгофера о человеке как «прамлекопитающем» и др.), отрицание неандертальской стадии в эволюции современного человека и характеристика неандертальцев как боковой ветви на родословном древе человека, попытки доказать шельский или даже более древний возраст *Homo sapiens* — все эти модные в зарубежной литературе тенденции являются прямой атакой на учение Дарвина, на материалистическое разрешение проблемы происхождения человека.

В этих условиях особую актуальность приобретают работы советских антропологов по вопросам, которые должны осветить основные этапы развития гоминид, вскрыть факторы их становления, показать противоречия, вызвавшие скачок в развитии животного мира — формирование человека. По своему значению эти вопросы выходят за преде-

² Обращение к товарищу Сталину от имени Президиума Академии Наук СССР, «Правда» от 27 августа 1948 г., № 240.

³ Опровержению этих реакционных концепций посвящен ряд работ советских антропологов. См. М. А. Гремяцкий, Теория ологенеза в биологии и антропологии, «Антропол. журнал», 1933, № 3; А. Ф. Нестурх, Против идеализма на фронте антропогенеза (Новейшие буржуазные гипотезы антропогенеза в свете трудовой теории антропогенеза Энгельса и последние открытия ископаемых представителей гоминид), «Фронт науки и техники», 1937, № 5; Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма», «Советская этнография», 1947, № 1; М. Г. Левин, Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха, «Советская этнография», 1946, № 1; научно-популярные книги М. А. Гремяцкого, М. С. Плисецкого, М. Ф. Нестурха, Я. Я. Рогинского и др.

лы собственно антропологии; они неразрывно связаны с основными проблемами первобытной археологии, с вопросами периодизации истории первобытного общества и приобретают поэтому особую остроту. Если вопрос о происхождении тех или иных форм животного мира, в том числе и человекообразных обезьян, есть чисто биологическая проблема, то вопрос о происхождении человека требует для своего разрешения выяснения не только тех закономерностей, которые лежат в основе эволюции животного мира, но и социальных факторов, которые специфичны для эволюции человека. Эти общие вопросы закономерностей эволюции гоминид и в первую очередь факторов эволюции человека современного типа впервые во всем их объеме были поставлены в советской антропологии.

Разработка проблемы антропогенеза советскими учеными охватила различные ее стороны: вопросы генеалогии гоминид, вопрос о древнейшей стадии в эволюции предков человека, о соотношении различных стадий в эволюции человека (стадия питекантропа-сиантропа, неандертальская стадия, человек современного типа), о закономерностях развития на разных стадиях, о роли различных факторов — биологических и социальных — на разных этапах⁴.

Исходя из трудовой теории антропогенеза Энгельса, развивая его положения о значении прямохождения в эволюции гоминид, о совершенствовании руки в результате трудовой деятельности, развивая положения о взаимных связях отдельных частей организма (о коррелятивных отношениях органов и систем) и развитии мозга, органов чувств и т. д. как выявлении этих связей, советские антропологи противопоставили эти положения различным автогенетическим теориям, исключая роль среды и отбора в процессе происхождения человека. Исходя из положения о существенной роли климатических и географических условий в процессе очеловечения обезьяны (значение безлесного ландшафта в развитии прямохождения), о роли естественного отбора на ранних стадиях эволюции гоминид, советские антропологи подчеркивали последующее снятие естественного отбора у человека современного типа в связи с развитием общества и с этих позиций выступали против реакционнейших конструкций так называемого «социал-дарвинизма», развивающего мальтузианские идеи и извращающего учение Дарвина⁵. Таковы положительные стороны работы советских антропологов по проблеме антропогенеза.

Однако не все стороны этой проблемы были разработаны в одина-

⁴ Обзор работ, посвященных различным вопросам антропологии, дан в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, Советская антропология за 30 лет, «Советская этнография», 1947, № 4.

⁵ Из последних советских работ, посвященных проблемам антропогенеза, необходимо упомянуть о статье Г. А. Шмидта «Проблема отбора в антропогенезе» (Труды Музея антропологии, Ученые записки Московского ордена Ленина гос. университета, вып. 115, изд. МГУ, 1948). К сожалению, эта работа содержит ряд путаных и неверных положений. Основным в работе является положение об особой форме отбора в антропогенезе, понятие «общественно-трудового отбора», которое автор вводит для обозначения отбора у гоминид, когда «новый тип отношения к природе ставит на первое место общественно-производственные факторы, в зависимости от которых и находится явление направленного выживания обладателей видовых биологических особенностей». Эта «новая, принципиально отличная», по мнению автора, форма отбора — «общественно-трудовой отбор» — противопоставляется им естественному отбору в животном мире. Указывая на некоторые особенности отбора у древних гоминид по сравнению с их животными предками, автор недооценивает глубокого сходства этих двух явлений, механизм которых в конечном счете весьма близок. Различия между отбором у животных предков и у древних гоминид ни в коем случае не таковы, чтобы не проводить (в процессе изменения роли отбора) главной, решающей демаркационной линии на стадии возникновения *Homo sapiens*, когда всякий отбор снимается возникновением подлинного общества. Выступая против социал-дарвинизма, автор сам скатывается на сходные позиции. К подробному разбору статьи Г. А. Шмидта редакция предполагает вернуться в специальной рецензии.

ковой мере, и многие вопросы ждут еще своего дальнейшего освещения. Теория случайных мутаций, не отражающих условий внешней среды и только подхватываемых естественным отбором, фактически бездоказательно принимается в огромном большинстве работ по антропогенезу. Роль внешней среды трактуется обычно как фактор, определяющий только направленность отбора, а не характер подпадающих под действие отбора признаков. На многих антропологических работах довлело метафизическое истолкование «закона о необратимости эволюции», неправильная трактовка вопроса о специализированных формах, что закрывало путь к подлинно научному разрешению проблемы о соотношениях неандертальского человека и человека современного типа, к правильному пониманию процессов антропогенеза. В работах по антропогенезу сказалось влияние формально-генетического направления в биологии, недоучет формообразующей роли внешней среды, условий жизни⁶.

В свете мичуринского направления в биологии перед советскими антропологами встает в качестве важнейшей задачи разработка этой стороны проблемы антропологии. Следует вспомнить, какое значение в процессе антропогенеза придавал Энгельс изменению состава растительной пищи наших далеких предков, а затем переходу к мясной пище, подчеркивая при этом роль обмена веществ: «химические предпосылки очеловечения».

Мы далеки от того, чтобы механически переносить на человека те закономерности, которые вскрываются при изучении эволюции растительного и животного мира, но для ранних этапов антропогенеза эти закономерности выступали в достаточной степени. Положения мичуринского учения о том, что «растительные и животные формы формировались и формируются условиями жизни, условиями внешней среды», что «организм представляет собой целое как систему только в единстве с необходимыми ему условиями жизни» (Т. Д. Лысенко, *Агробиология*, изд. III, стр. 428), должны быть положены и в основу изучения факторов антропогенеза.

III

Основные положения мичуринского направления в биологии имеют огромное значение не только для проблемы происхождения человека, но и для вопросов формирования географических вариантов его физического типа. Конечно, и здесь речь идет не о механическом «применении» к человеку отдельных достижений мичуринцев, полученных ими при работе над культурными растениями, но о творческом развитии одного из важнейших разделов советской антропологии на основе разработанного И. В. Мичуриным и Т. Д. Лысенко материалистического учения о решающей роли условий жизни для изменения наследственной природы всех растительных и животных видов и разновидностей. В свете этого учения должны рассматриваться и вопросы образования разновидностей *Homo sapiens*, который, несмотря на всю специфику его биологии, неразрывно связан с остальным органическим миром.

Чтобы эти формулировки не прозвучали простой декларацией, необходимо несколько подробнее остановиться на главных задачах советской антропологической науки, связанных с изучением территориальных вариаций физического типа человека. Еще Энгельс подчеркивал, что антропология является «переходом от морфологии и физиологии че-

⁶ См., например, книгу М. Ф. Нестурха, *Человек и его предки*, М., 1934, стр. 30—31, где вопрос о наследственности и изменчивости излагается в духе формальной генетики.

ловека и его рас к истории»⁷. Выражая ту же мысль иными словами, можно сказать, что антропология — это история самой природы человека во всем разнообразии ее вариаций в пространстве и во времени.

Проблемы этнической антропологии, несомненно, являются наиболее актуальными и в то же время наиболее сложными в антропологической науке вообще, поскольку здесь даже узко специальные на первый взгляд задачи приобретают первостепенное методологическое значение. Вопросы возникновения расовых особенностей у человека, факторов расообразования, времени и места формирования современных антропологических типов и т. д. неизбежно ставят перед исследователем глубокую, мировоззренческую проблему соотношения социальных и биологических закономерностей в истории природы самого человека. В наши дни острой идеологической борьбы во всех отраслях знания разработка вопросов этнической антропологии приобретает и большую политическую актуальность, так как каждое исследование в этой области для советского ученого связано с преодолением столь характерных для буржуазной науки метафизических представлений о человеческих расах и с беспощадным разоблачением лженаучных, человеконенавистнических расовых «теорий».

Руководствуясь указаниями Ленина и Сталина о партийности в науке, советский ученый всегда должен помнить, что конкретные антропологические материалы усиленно использовались и используются реакционерами всех мастей и оттенков для «обоснования» необходимости новой мировой войны, для разжигания вражды между народами, для «идеологической» подготовки нападения на СССР и страны народной демократии. «Гитлер начал дело развязывания войны,— пишет товарищ Сталин,— с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира»⁸. Как в годы подготовки второй мировой войны германский расизм был «идеологическим» обоснованием звериной фашистской практики, так и в наши дни англо-саксонский расизм стал «теоретической» базой для оправдания политики геноцида и расовой дискриминации. Преследование и линчевание негров в США, национальное угнетение «черных» и «цветных» в Южно-Африканском Союзе, возрождение антисемитизма во многих странах Западной Европы, развязывание войны в Вьетнаме и Индонезии — все эти отнюдь не академические события современности показывают с предельной ясностью, кому служат новейшие расистские измышления вроде «психологической школы» реакционных американских антропологов, книги сенатора Бильбо под кричащим заголовком «Выбирайте между разделением и смешением рас» (1947) или антиисторической концепции «холизма» пресловутого фельдмаршала Смэтса, тесно связанной с биологизаторскими течениями в этнографии, начиная от известных теорий Лео Фробениуса — одного из идеологов германского империализма. Естественно, что последовательная борьба представителей Советского Союза в Организации Объединенных Наций против всяких проявлений расовой дискриминации наталкивается на упорное сопротивление со стороны стран англо-американского империалистического блока. Очевидно, что в этих условиях советские ученые обязаны противопоставить отравленной ядом шовинизма буржуазной антропологии свою науку о человеке, в которой «нет и не может быть места расовой ненависти к другим народам», которая развивает-

⁷ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Соч., т. XIV, стр. 439.

⁸ И. В. Сталин, *Интервью с корреспондентом «Правды»*, «Правда» от 14 марта 1946 г.

ся «в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов»⁹.

Советская этническая антропология прошла сложный путь, не свободный от ошибок и заблуждений, среди которых в свое время большую роль играли, с одной стороны, попытки полного отрицания реальности «расы» у человека, с другой,— недоучет специфического характера антропологических типов. Работая в тесном контакте с историками, этнографией и археологией, советские антропологи всегда исходили из принципиального отрицания роли расы в историческом процессе и на конкретных материалах по древнему и современному населению стремились показать полную фактическую несостоятельность расистских концепций о биологической основе общественного и культурного развития отдельных племен, народов и наций. Вместе с тем советские антропологи впервые в истории науки разработали методы использования антропологического материала в качестве исторического источника и дали ряд работ в этом направлении, которые помогли осветить многие сложные и темные вопросы этногенеза народов СССР и зарубежных стран¹⁰.

Но если в разработке этногенетических и других исторических проблем антропология СССР опиралась на классические труды Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, на все достижения советской исторической науки, на успехи лингвистической школы академика Н. Я. Марра, то в вопросах биологического характера советскими антропологами был допущен ряд серьезных ошибок. В основе этих ошибок лежало, с одной стороны, некритическое отношение к ложным положениям менделизма-морганизма, принятие их «на веру», с другой же стороны, слабое знакомство с достижениями мичуринского направления в биологии, непонимание их общетеоретического и методологического значения.

В начале двадцатых годов нашего века в тогда еще неокрепшую советскую биологическую науку проникли открыто реакционные, идеалистические идеи буржуазной евгеники, в основе которых лежала все та же вейсманистская концепция о существовании особой наследственной плазмы, непроходимой стеной отгороженной от остальных клеток организма и совершенно независимой от условий его жизни. Некоторые биологи старшего поколения, начавшие свою деятельность еще до Октябрьской революции (Ю. С. Филиппченко, Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский), настолько «увлеклись» евгенической лженаукой, что серьезно предлагали практическое применение ее в СССР включить в программу социалистического строительства. А. С. Серебровский, например, в одном из своих выступлений прямо заявил, что только «плохое социальное прошлое мешает (евгенике) стать желанной гостьей пролетарской страны»¹¹.

Из антропологов дань евгеническим «идеям» отдал проф. В. В. Бунак, редактировавший в то время «Русский антропологический журнал» и принимавший самое активное участие в издании «Русского евгениче-

⁹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 46—47.

¹⁰ Из новейших антропологических работ, связанных с проблемами этногенеза, надо прежде всего указать на капитальный труд Г. Ф. Дебеца, Палеоантропология СССР (М., 1947), а также на ряд статей В. В. Гинзбурга, М. Г. Левина, Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова, опубликованных в журнале «Советская этнография» за 1946—1948 гг. и в трудах Института этнографии АН СССР (новая серия, тт. I и II). В этих работах данные антропологии используются для освещения проблем происхождения восточных и западных славян, германских, финских и тюркских народов, различных этнических групп Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, китайцев и др.

¹¹ Цит. по статье А. И. Ярхо «Против идеалистических течений в расоведении СССР» («Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 16).

ского журнала» — органа воинствующих доморощенных вейсманистов. В одной из «установочных» работ, напечатанных в этом журнале, В. В. Бунак на протяжении нескольких десятков страниц самым скрупулезным образом разбирает вопрос о номенклатуре расовых различий, но ни слова не говорит о специфичности расообразования у человека, обусловленной его социально-экономическим и культурным развитием¹². В другой статье В. В. Бунака можно прочесть рассуждение о том, что «укрывшиеся под давлением более могущественных соседей горные народы, вследствие строгого отбора, вызванного негостеприимной и скудной природой горных стран, вскоре превращаются в своеобразные и замкнутые расы, способные разве к разбойничьим набегам на жителей равнин, а вовсе не к планомерному их завоеванию или вселению в их среду»¹³. Не удивительно после этого, что В. В. Бунак с явным сожалением восклицал: «Как глубоко заблуждаются общественные деятели, все внимание посвящающие культуре... внешних свойств... Будущее культурного человечества зависит от того внимания, которое будет уделено общественной жизнью «зародышевой плазме»¹⁴.

Позорное для советских ученых увлечение евгенической лженаукой тесно связано с тлетворным влиянием различных, в свое время модных, но глубоко реакционных идей зарубежных «ученых»-идеалистов. Значительную, но весьма печальную роль среди этих идей сыграла махистская концепция Карла Пирсона, блестяще разоблаченная В. И. Лениным¹⁵. Эта реакционная, лженаучная концепция была подхвачена некоторыми русскими учеными, в том числе антропологом Чепурковским и уже упомянутым генетиком и евгеником Ю. Филиппенко. Как известно, Пирсон был не только реакционным философом и основателем так называемой «биометрической» школы в антропологии, но также одним из ярых проповедников евгенических идей. «Главное, что нам нужно,— писал этот «достойный» предшественник фашистских стерилизаторов,— это найти способ задержать размножение особей низшего типа, а это может быть осуществлено лишь при новых социальных привычках и при новых понятиях о социальном и антисоциальном в поведении»¹⁶. Наше поколение хорошо знает, каковы были результаты практического применения взглядов Пирсона и его последователей. Миллионы погибших на войне и замученных в гитлеровских застенках долго будут напоминать нам, куда приводит претворенная в жизнь евгеника.

Расистские и евгенические тенденции в работах Кольцова, Серебровского и других менделистов-морганистов еще в тридцатых годах нашего века были подвергнуты беспощадной и справедливой критике со стороны передовых советских ученых. Статьи, посвященные борьбе с расизмом и евгеникой, в 1932—1937 гг. печатались преимущественно на страницах «Антропологического журнала». Большую роль в разоблачении расистской лженауки сыграла также экспозиционная и просветительная работа Музея антропологии под руководством М. С. Плисецкого.

Однако влияние менделизма-морганизма ослабляло позиции советских антропологов в этой острой борьбе и не давало им возможности полностью освободиться от вредного груза буржуазных концепций. Проповедники евгеники в СССР отступили под напором уничтожающей критики и прекратили публикацию открыто расистских измышлений. Но

¹² В. В. Бунак, Термин «раса» в зоологии и антропологии, «Русский евген. журн.», т. VII, вып. 4, 1930.

¹³ В. В. Бунак, Об акклиматизации человеческих рас, «Русск. Антропол. журн.» т. XIII, вып. 1—2.

¹⁴ «Русск. евген. журн.», т. I, 1920, стр. 250.

¹⁵ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII.

¹⁶ К. Пирсон, Грамматика науки, 1911, стр. 42.

почти никто из них не выступил в советской печати с развернутой критикой своих глубоких заблуждений, не показал на деле — в своей научной работе — конкретных путей к преодолению этих заблуждений, к коренной перестройке всей антропологической науки на основе марксистско-ленинской методологии. Напротив, в стенах Медико-генетического (позднее Медико-биологического) института и некоторых других научных учреждений продолжалась работа по антропогенетике, построенная полностью на применении принципов морганизма. Не выступил с критикой ошибок в своих старых работах и профессор В. В. Бунак, печатавший свои исследования в изданиях Медико-генетического института.

В области антропологии особенно вредным оказалось влияние формалистического «учения» о так называемых «генетико-автоматических процессах» или о «факторах случайного выживания», под воздействием которых в изолированных популяциях будто бы происходят направленные, но независимые от условий жизни изменения наследственных признаков. За рубежом это «учение» разрабатывалось ярким морганистом Райтом, в СССР оно, к сожалению, нашло своих адептов в лице Н. П. Дубинина и Д. Д. Ромашева. В антропологии сходные взгляды разрабатывались М. В. Игнатьевым¹⁷. Некритическое и даже сочувственное отношение к рассматриваемому «учению» нашло место и в учебнике антропологии, вышедшем в свет в 1941 году¹⁸. С позиций формальной генетики проф. В. В. Бунак подходил и к вопросу о расогонической роли метисации, считая, в полном противоречии с конкретными антропологическими данными, что при скрещивании двух популяций, различающихся по какому-либо признаку, его средняя величина в метисной группе вследствие механической перекombинации генов может оказаться больше или меньше средних обеих исходных серий¹⁹. Ограничивая сферу действия условий жизни внешним ненаследственным проявлением признака и категорически отрицая их влияние на наследственные расовые особенности человека²⁰, В. В. Бунак искал объяснения эпохальной изменчивости длины тела и пропорций мозговой коробки (головного указателя) в формально-генетической гипотезе «сложения задатков», предложенной менделистом Нильсоном-Эле²¹. Поскольку фактические материалы о наследовании расовых (как и всех других) признаков человека находились в вопиющем противоречии с менделевскими «законами», их защитники в антропологии должны были принять механическую гипотезу полимерии, посредством которой они старались втиснуть в узкие рамки формально-генетических построений конкретные антропологические данные. Проникло на страницы советских антропологических работ и чисто метафизическое учение о так называемой «генной среде», недоступной непосредственному влиянию условий жизни организма и будто бы детерминирующей проявление его наследственных возможностей. Пытаясь применить это «учение» к генетическому анализу непрерывно варьирующих признаков человека, В. В. Бунак подчеркивал, что «понятие «генная среда» означает существенный прогресс в генетике, заслуживает дальнейшего раз-

¹⁷ М. В. Игнатьев, Статистические константы в изолированной популяции, «Антропол. журн.», 1937, № 2, стр. 37—42.

¹⁸ Антропология, Краткий курс, М., 1941, стр. 345. См. раздел расоведения, написанный Я. Я. Рогинским.

¹⁹ В. В. Бунак, Об изменении средней величины признака популяции при непосредственных случаях скрещивания, Труды Мед.-генет. ин-та, IV, 1936.

²⁰ В статье «Раса как историческое понятие» В. В. Бунак прямо объявляет экзогенную концепцию происхождения рас «принципиально неприемлемой» и подчеркивает, что «отдельные расы отличает одну от другой... по большей части концентрация одних и тех же генов» (стр. 32).

²¹ В. В. Бунак, *Crania armenica*, М., 1927, стр. 166—168 (об изменчивости головного указателя); его же, Об изменении роста мужского населения СССР за 50 лет, «Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 24—53.

вития и должно быть сохранено как существенное орудие генетического анализа»²². «Существенное значение» приписывается здесь, таким образом, абстрактной гипотезе, которая столь же лишена реальных оснований, как «учение» о философском камне или «чинах ангельских».

Достигнув значительных результатов в борьбе с расизмом и евгеникой, советские антропологи не проявили необходимой бдительности в разоблачении формальной менделевско-морганистской генетики, не сумели понять ее реакционную сущность и вскрыть ее антиобщественную практическую направленность. Поэтому вполне понятно, что антропологи остались в стороне от такого важного политического мероприятия, как критика педологических извращений, основанных в конечном счете на тех же антинаучных представлениях о наследственной предопределенности всего поведения ребенка. Вне поля зрения советской науки о человеке остались, к нашему стыду, и основанные на формальной генетике «антропологические» теории воспитания, широко распространенные в капиталистических странах. Яркой иллюстрацией того, к каким откровенно расистским выводам ведет применение учения о генах к вопросам педагогики, может служить вышедшая еще в 1943 г., но не замеченная антропологами книга одного из «столпов» американской психологии Эдуарда Торндайка «Человек и его деятельность». Первая глава (лекция) этой книги так и называется: «Гены сознания»; в ней автор старается «научно» (но, конечно, безуспешно) доказать, что «человеческое сознание определяется наследственностью в не меньшей степени, чем и простейшие физические свойства»²³.

Некритическое восприятиевейсманистских построений привело к серьезным ошибкам и в работах, посвященных отдельным конкретным проблемам этнической антропологии и этногенеза. Так, например, Г. Ф. Дебец, ставя вопрос о причинах эпохальной изменчивости рельефа черепа и черепного указателя, сочувственно отнесся к генетическим концепциям В. В. Бунака и даже счел необходимым подчеркнуть, что «коренные изменения в морфологии человека не могли не быть связаны с зародышевой плазмой»²⁴. В объяснении направленности процесса грацилизации черепа Г. Ф. Дебец привлек по существу автогенетическую концепцию Б. М. Завадовского, выразительно названную им «наш преформизм»²⁵. В работах Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебоксарова о группах крови некритически было принято формально-генетическое объяснение серологических особенностей отдельных территориальных групп населения²⁶. Увлечение ложным учением о генах как «материальных основах наследственности» привело к бесплодным работам по «генеографии» групп крови, цветной слепоты, специфических особенностей вкуса и т. д.²⁷.

При помощи формально-генетических построений большинство советских антропологов старалось объяснить и эпохальную изменчивость расовых признаков человека. Так, например, Н. Н. Чебоксаров в статье «Из истории светлых расовых типов Евразии» дает острую критику ра-

²² В. В. Бунак, О некоторых вопросах генетического анализа непрерывно варьирующих признаков у человека, «Антропол. журн.», 1937, № 3, стр. 26.

²³ E. L. Thorndike, Man and his works, 1943, цит. по статье Н. Менчинской, Политическое саморазоблачение Эдуарда Торндайка («Учительская газета», № 42, от 30 сентября 1948 г.).

²⁴ Г. Ф. Дебец, Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы, «Антропол. журн.», 1936, № 3, стр. 320.

²⁵ Там же, стр. 321.

²⁶ Я. Я. Рогинский, Закономерности распределения групп крови у человека, «Краткие сообщения Научно-иссл. ин-та и Музея антропологии», М., 1941, стр. 17; Н. Н. Чебоксаров, Группы крови и дальтонизм у коми, «Антропол. журн.», 1936, № 4, стр. 396—413.

²⁷ И. Н. Елистратов, В. М. Шапки и С. А. Шлугер, Генеографические исследования в Волгокамье, «Краткие сообщения Научно-иссл. ин-та и Музея антропологии», М., 1941, стр. 20—21.

системных измышлений об исключительной связи светлых волос и глаз с так называемым «нордическим» антропологическим типом, но для объяснения процессов депигментации, развернувшихся на обширных пространствах евразийского Севера, привлекает некритически воспринятую гипотезу о мутациях рецессивных генов окраски на окраинах расселения человечества, игнорируя в то же время данные о влиянии на цветность различных экзогенных факторов²⁸. Т. А. Трофимова на оригинальном, богатом материале разбивает реакционную теорию о стабильности расовых типов, констатируя их изменчивость во времени на территории Московской области. Однако причин этой изменчивости Трофимова не раскрывает, ограничиваясь в данном случае сочувственной ссылкой на генетические концепции В. В. Бунака²⁹.

Нельзя сказать, что советские антропологи совсем не ставили вопроса о влиянии условий жизни на наследственные особенности человека. В работах Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой, Н. Н. Чебоксарова и других можно найти немало мест, где прямо говорится о значении естественно-географических условий, опосредованных социальной жизнью человека, в формировании антропологических типов³⁰. Однако вскрыть механизм этого влияния, показать, как и каким образом изменение условий жизни формирует расы, советские ученые не смогли, так как над ними довлела ложная концепция о невозможности адекватных реакций наследственной природы человека на воздействия окружающей среды. Концепция эта, к сожалению, не была полностью преодолена и в новейших антропологических работах, опубликованных на страницах нашего журнала и в других изданиях Института этнографии Академии Наук СССР.

IV

Здесь нас в особенности интересуют работы по этногенезу, в которых антропологические материалы привлекаются в качестве исторического источника. При этом антропологи исходят из двух принципов: 1) наследственности расовых признаков и 2) изменчивости во времени под влиянием среды, как, например, установленный советской антропологией процесс грацилизации лицевого скелета (Дебеч), брахикефализации и изменчивости роста (Бунак). Направление изменчивости расовых признаков намечается достаточно определенно, однако связь с конкретными историческими условиями этой изменчивости, темпы ее, причины и биологический механизм до сих пор остаются неясными.

²⁸ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 4, стр. 222.

²⁹ Т. А. Трофимова, Череп из Никольского кладбища, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, «Антропология», 1941, стр. 197—234.

³⁰ См. например, статью Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова «Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию» («Антропол. журн.», 1934, № 1—2, стр. 28—53). На стр. 40 читаем: «Конкретные антропологические факты также заставляют нас пересмотреть вопрос о стабильности расовых типов и их независимости от окружающей среды... У нас нет никаких оснований механически отрывать фенотип от генотипа... Правильное решение вопроса (о механизме расовой изменчивости) лежит скорее всего в изучении изменения химизма организма, в частности деятельности его эндокринного аппарата в связи с трансформациями пищевого режима». Однако здесь же находим рассуждения о том, что «слишком упрощенное понимание этого механизма как непосредственных реакций организма на влияние социальных и географических условий, приводящих к наследованию приобретенных признаков..., не выдерживает критики...» Так формально-генетический мираж мешал советским ученым правильно интерпретировать факты, приводил к эклектизму, ограничивал возможности борьбы с реакционными расистскими теориями.

«Обращаясь к сравнительной анатомии и палеонтологии,— пишет Г. Ф. Дебец,— мы не находим в этих науках таких фактов, которые могли бы заставить нас ждать плодотворных результатов от поисков имманентных причин расогенеза или хотя бы от признания таких причин, не вскрывая их сущности. Наоборот, все данные говорят о противоположном, т. е. о тесном взаимодействии процессов организмов со средой. Нет никаких оснований делать исключения для человека, так как при всем своеобразии биологии это своеобразие касается лишь иных, чем в животном мире, форм взаимодействия с окружающей средой. Поэтому причины, вызвавшие у разных человеческих рас, в частности у европейцев и монголоидов на территории СССР, параллельную и направленную изменчивость ряда расовых признаков, следует искать во взаимодействии с внешней средой» (разрядка наша)³¹.

В приведенном отрывке отражена позиция большинства советских антропологов в объяснении эпохальной изменчивости расовых признаков. Несмотря на правильность этой позиции в отношении констатации факта изменчивости расовых особенностей под влиянием среды, советские антропологи не проявили достаточной активности в критике формально-генетических построений в объяснении процессов изменчивости у человека³². Вопросы эпохальной изменчивости расовых признаков во всей их сложности почти не разрабатывались, так же как в последние годы в среде советских антропологов не делалось попыток объяснить и самый механизм этой изменчивости.

Среди работ, посвященных отдельным проблемам расогенеза и систематике рас, следует отметить две работы: Н. Н. Чебоксарова «Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии»³³ и М. Г. Левина «Проблема пигмеев в антропологии и этнографии»³⁴. В своей работе на огромном палео- и антропологическом материале Н. Н. Чебоксаров путем тщательного анализа географического распределения расовых признаков констатирует до сих пор не установленные, новые, географически четко отграничивающиеся ареалы в расообразо-

³¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 318.

³² В частности, Г. Ф. Дебец по поводу генетического объяснения изменчивости расовых признаков двумя страницами дальше приведенного текста пишет следующее: «В последние годы многие авторы обращают внимание на роль чисто генетических факторов в изменении генофонда и, следовательно, средних фенотипических особенностей популяции. Фишер (1924), Рехэ (1926), Лундборг (1931), Буак (1932) и др. объясняли, например, увеличение головного указателя (и роста) смещением ранее изолированных групп. Не считая возможным вдаваться в разбор генетических и математических обоснований этих положений, отмечу, что теоретически подобные явления возможны, но практически мы почти не знаем таких случаев, когда заведомо метисные человеческие популяции оказывались бы морфологически не промежуточными по отношению к обеим исходным группам (разрядка наша). Поэтому явлениям локусации и лауперизации вряд ли следует приписывать роль в процессе расогенеза» (там же, стр. 320). Приведенная выдержка чрезвычайно характерна как пример критики генетических объяснений изменчивости расовых признаков, в которой признается несоответствие положений генетиков с фактическими данными, но вместе с тем не делается решительного разрыва с формальной генетикой. И в заключение по вопросу об эпохальной изменчивости расовых признаков Г. Ф. Дебец приходит к выводу «о полном отсутствии ясности в этом вопросе». «Наличие изменений многих расовых признаков во времени,— пишет он,— является бесспорным, направление этих изменений устанавливается пока только провизорно, а ее причины требуют дальнейших углубленных исследований». Из этого отрывка ясно видно, какую дезориентирующую роль в антропологии играет формальная генетика, оказывая свое влияние и на передовых советских антропологов.

³³ Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Института этнографии, т. II, 1947, стр. 24—83.

³⁴ М. Г. Левин, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, «Советская этнография», 1946, № 2.

вательных процессах. Вскрытия же причин, поведших к образованию этих расовых групп, автор не дает. В работе М. Г. Левина о пигмейской проблеме, критически заостренной против реакционных построений В. Шмидта и других зарубежных авторов в вопросе возникновения и развития культуры («прамонотеизма»), искаженно представляющих происхождение современных рас от исходных низкорослых форм человека, автор в вопросах объяснения появления карликовых групп человечества встает на формально-генетические позиции. Признавая ведущую роль за исторически сложившейся изоляцией этих групп, механизм образования отдельных признаков пигмейских форм автор видит в выклинивании рецессивных генов в этих популяциях. Формально-генетическое объяснение этого процесса является ошибочным.

Из статей, опубликованных в изданиях Института этнографии за последние годы, единственной, в которой вопросы формальной генетики занимают большое место, является работа Я. Я. Рогинского «Закономерности пространственного распределения групп крови у человека»³⁵. Эта работа построена на принципах формально-генетической концепции природы и распределения групп крови у человека и нуждается в специальном критическом рассмотрении. Автор дает развернутую критику теорий повторных мутаций Гэйтса и антиисторической по своему существу теории Уаймена и Бойда и предлагает свою концепцию, объясняющую современное распределение групп крови на земном шаре и исчезновение отдельных групп у ряда «окраинных» народов. Будучи направлена против расистских представлений об исконных глубоких и древних различиях рас по кровяным группам, правильно критикуя работы Гэйтса и Бойда, работа Рогинского в то же время порочна тем, что связывает явления изоляции с понятиями и терминами формальной генетики. Автор принимает в этой работе генную структуру групп крови и отдает дань ложной теории генетико-автоматических процессов, что, конечно, не может способствовать правильному пониманию сложной картины распределения групп крови.

Из анализа рассмотренных работ мы можем сделать следующий вывод. Несмотря на то, что в работах антропологов, посвященных проблемам антропо- и расогенеза, методологически правильно, на базе диалектического материализма ставится вопрос о тесной связи организма с условиями его существования,— в вопросах объяснения механизма изменчивости физического типа человека большинство антропологов стояло на позициях формальной генетики. В одних работах эти формально-генетические объяснения даются открыто, в других подразумеваются. И не случайно поэтому в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского, посвященной подведению итогов работы советских антропологов за 30 лет³⁶, не только не дано критики формально-генетических работ антропологов, но дается положительная оценка работ М. В. Игнатьева.

В ряде работ советских антропологов, посвященных изменчивости расовых признаков во времени (Дебец, Трофимова, Чебоксаров и др.), авторы этих работ не делают решительного шага к разрыву с формально-генетическими объяснениями изменчивости человека и попросту уклоняются от решения поставленного вопроса. Вместо активной борьбы за утверждение мичуринского учения, антропологи, разделяя ошибку работников философского фронта, предоставляли решение спора между мичуринцами и формальными генетиками ботаникам и агробиологам, сами занимая при этом выжидательную позицию. Антропо-

³⁵ Я. Я. Рогинский, Закономерности пространственного распределения групп крови у человека, Труды Института этнографии, вып. I, 1947.

³⁶ М. Г. Левин и Я. Я. Рогинский, Советская антропология за 30 лет. «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 65.

логи, так же как и философы, не только не поняли смысла идеологической борьбы, происходящей на биологическом фронте, но и в тех случаях, когда анализ антропологических данных наталкивал на разрыв с формальной генетикой, этого шага не сделали.

Уместно поставить вопрос: почему антропологи не искали положительного разрешения своих трудностей в трудах Мичурина и Лысенко? Ответ здесь может быть только один — это неизжитое еще до сих пор преклонение перед зарубежной наукой и отсутствие должной критики и самокритики в среде антропологов. С этим связано также совершенно недостаточное внимание, уделявшееся на страницах советской научной печати критике и разоблачению современных расистских концепций в работах американских, английских и других зарубежных антропологов и этнографов. В нашем журнале до сих пор не была в должной мере разобрана реакционнейшая, так называемая «психологическая» школа в антропологии, в последние годы ставшая особенно модной в США. Не была подвергнута критике книга Карлтона Куна «Расы Европы», в которой в завуалированной форме неискушенному читателю преподносятся все те же расистские идейки о широком распространении в Европе пресловутой «нордийской расы», якобы игравшей ведущую роль в развитии всей европейской цивилизации³⁷. Уже упоминавшиеся «труды» Бильбо и Торндайка также не встретили должного отпора со стороны передовых советских ученых. То же относится и к различным биологизаторским теориям в этнографии, далеко не достаточно раскритикованным на страницах советских научных журналов. Примиренческое отношение к этим теориям или их замалчивание все еще не изжито, хотя в наши дни оно особенно вредно и недопустимо.

Антропологи из всего сказанного должны сделать для себя единственно правильный вывод о необходимости незамедлительной перестройки своих работ на базе нового этапа дарвинизма, осуществленного трудами И. В. Мичурина, Т. Д. Лысенко и его последователей.

V

Победа мичуринского направления в биологической науке открывает перед советскими антропологами широкую перспективу плодотворной и актуальной творческой работы и дает им в руки надежное теоретическое оружие в борьбе с лженаучными расовыми «теориями», подымающая эту борьбу на новую высоту, делая ее еще более действенной и непримиримой. Основное положение мичуринского учения об изменении природы организмов под влиянием условий жизни, несомненно верное и по отношению к природе человека, исключает всякую возможность рассматривать историю физических типов человека с чисто биологических, тем более «автогенетических» позиций, поскольку условия жизни, формирующие эти типы у человека, выступают прежде всего как специфические для него «материальные условия жизни общества» (Сталин), исторически сложившиеся и принципиально отличные от условий существования животных и растений. Тем самым подчеркивается теснейшая связь антропологии с историческими науками, изучающими эти условия жизни, вне которых невозможно правильно объяснить и историю самой человеческой природы. Для того чтобы освободиться от влияния формальной генетики и наметить решение ряда проблем антропологии на новом этапе развития дарвиновской теории, необходимо критически пересмотреть огромный накопленный антропологический

³⁷ C. S. Coon, *The Races of Europe*, N. Y., 1939. Очень показательна в книге Куна карта распространения европейских рас (стр. 294—195), на которой «северный тип», обозначенный буквой «N», рассеян повсеместно от Ирландии до Кавказа и от Гибралтара до Приуралья. Карта эта поразительно напоминает аналогичные карты немецких расистов вроде Гюнтера или Эйкштедта.

материал и подвергнуть беспощадной критике все положения формальной генетики в антропологии. Материалистическая биология должна явиться базой для критики расовой теории во всяких ее проявлениях на данном этапе, приобретающей особенно острый характер в форме англо-саксонского расизма.

Среди вопросов, подлежащих пересмотру и изучению на основе нового этапа материалистической биологии, стоит проблема происхождения человека и расообразования. В плане ближайших работ советских антропологов должны быть поставлены следующие задачи:

1) разработка вопросов антропогенеза в свете трудовой теории Энгельса и роли среды в процессе становления человека;

2) разработка вопросов, связанных с изучением механизма расовой изменчивости и факторов расообразования (эпохальная изменчивость, возрастная изменчивость расовых признаков, изменение признаков в смешанных популяциях и др.);

3) разработка вопросов классификации в связи с проблемой возникновения основных рас *Homo sapiens*;

4) развернутая критика формально-генетических и расистских направлений в зарубежной антропологии.

Вооруженная новой методологией, советская антропология сможет еще в большей степени выступить в содружестве с этнографией, археологией, лингвистикой, историей в разработке актуальных проблем этногенеза.